

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

**ПИСЬМА
1818—1827 годов**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

**ПИСЬМА
1818—1827 годов**

Издательский Дом ЯСК

Москва 2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 19-112-00005, не для продажи

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия:
И. А. Айзикова, С. В. Березкина, Д. В. Долгушин, Э. М. Жилякова, В. С. Ки-
селев, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич
(гл. редактор). — Т. 16: Письма 1818—1827 годов / Отв. ред. О. Б. Лебе-
дева. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019 — 1152 с., ил.

ISBN 978-5-907117-51-8 (т. 16)

ISBN 978-5-6040760-8-8

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в русской эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта, копий и прижизненных публикаций и сопровождаются реальным комментарием.

В том 16 вошло 436 писем В. А. Жуковского за 1818—1827 гг. к 85 адресатам, собранных по всем доступным источникам: архивохранилищам Москвы, Санкт-Петербурга и Германии, периодическим изданиям XIX—XX вв., собраниям сочинений Жуковского, изданным в XIX—XX вв., отдельным публикациям. 168 писем публикуются впервые или впервые полностью.

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1-8

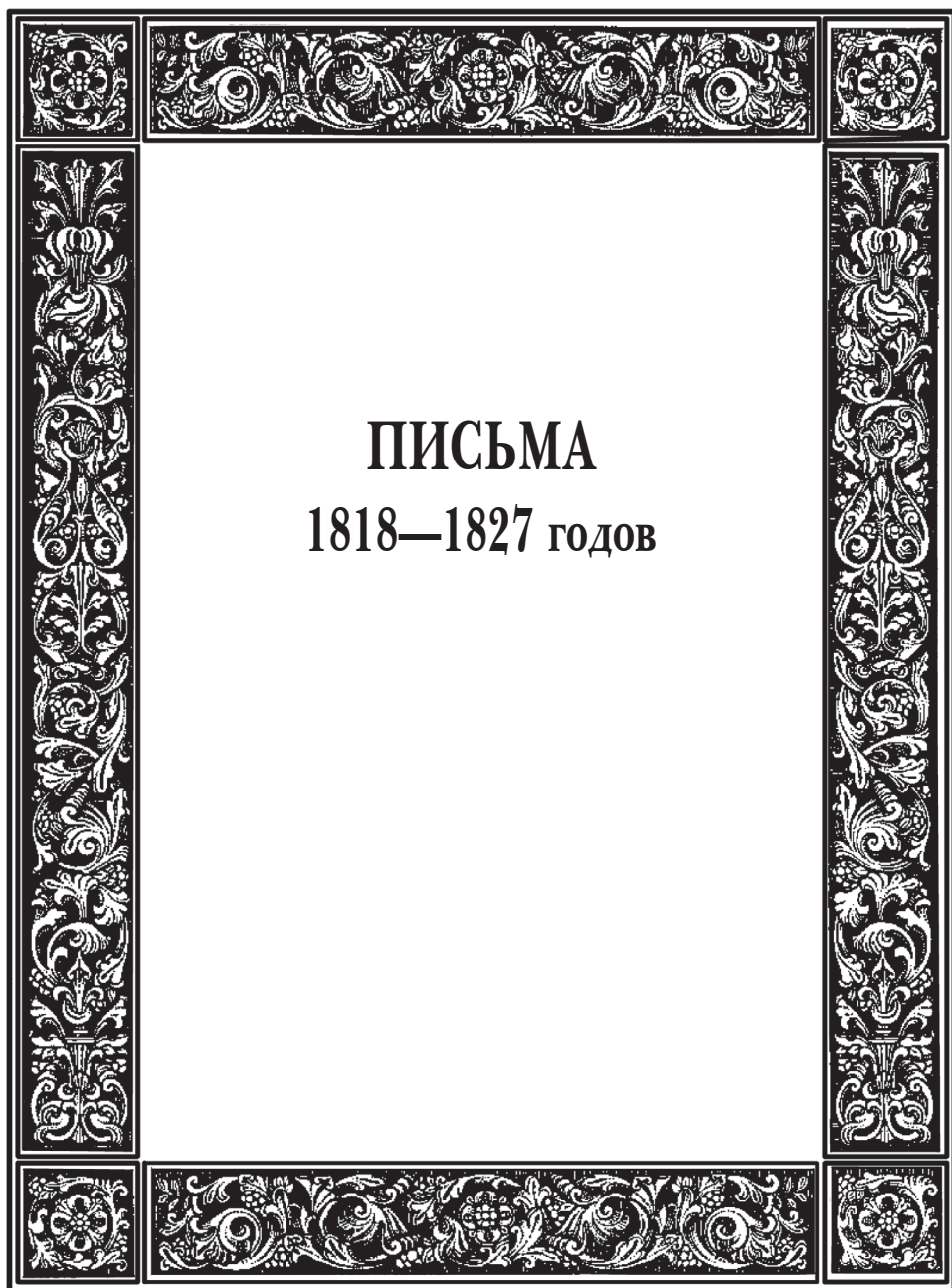
*На фронтисписе: портрет В. А. Жуковского.
Гравюра А. А. Фролова с оригинала П. Ф. Соколова (1817)*

ISBN 978-5-907117-51-8

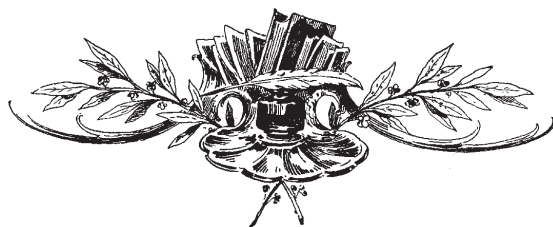

9 785907 117518 >

© О. Б. Лебедева. Редакция тома 16, 2019
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2019

ПИСЬМА
1818—1827 годов

1818

358.

А. И. Тургеневу

<Вторая половина января 1818 г. Москва>

Посылаю тебе, мой милый друг, два экземпляра моих сочинений и прошу отдать их тотчас в переплет к Зегельхену¹; переплети оба тома в один и так, как у тебя переплетены Образцовые сочинения². Один экземпляр, назначенный для великой княгини, доставить немедленно мне; а другой оставить у себя и отдать молодой графине Лаваль³, как скоро она возвратится отсюда в Петербург. Прошу тебя это исполнить поскорее. Другая просьба, которую не забудь: возьми у Кавелина пакет с моими бумагами, оставленный ему Блудовым, и по первой почте перешли ко мне. В этом пакете мой аттестат, мой докторский диплом⁴, словом сказать, все документы на мои достоинства⁵. К<нязь> Голицын их требует. Итак, присылай немедленно. Уведомь, что будет стоить переплет и что ты заплатил за английскую грамматику. В начале будущего месяца получишь от меня все пенязи. Не сердись, милый друг, что пишу редко — ты сам редко пишешь. На следующей почте, вероятно, пришлю тебе первый № моего журнала, который печатается⁶. Для тебя и для «Арзамаса».

Уведомь меня о Кавелине, которого от меня обними. Обними Плещеева и брата⁷, и всему «Арзамасу» мое благословение. Приложенное письмо передай Кюхельбекеру⁸. Что у вас делается? Афанасьева⁹ хорошенько пожури за проказы; возьми у него письмо Андрея Ивановича¹⁰ и прочитай его ему с примечаниями.

Ж.

359.

А. И. Тургеневу

<Конец января — начало февраля 1818 г. Москва>

Милый, спешу послать к тебе мой аттестат, данный мне от Маркова¹. О прежней службе моей скажу только то, что я вошел в Главную дурацкую Соляную контору городским секретарем в 1800 году, вышел из нее титулярным

советником в 1802-м²; остальное увидишь из приложенного аттестата. Впрочем, делай что хочешь, только меня не тормози; довольно и той глупости, что я вздумал один раз заботиться о чине и искать действительной службы. Теперь, право, не стану хлопотать. Посылаю тебе и всем арзамасцам первый номер моего песенного журнала. Моя ученица³ всё это скоро будет петь по-русски. Второй номер почти отпечатан⁴. Тотчас доставлю. Только прошу тебя раздать аккуратнее. Извини меня перед графом Румянцовым⁵, что, угощая его песнями, я почитаю обязанностью доставлять ему всё, что я напишу; право, имею к нему особенное чувство привязанности и всегда люблю вспоминать о его ко мне дружеском расположении. Может быть, в нынешнем же году напишу что-нибудь более его достойное. Посылаю тебе и экземпляр моих сочинений⁶. Прошу тебя не растерять моих бумаг.

Третьего дня, наконец, я видел и государя и говорил с ним, и он очень благосклонно со мною обошелся. Обнимаю за меня моего Николая Михайловича⁷ и уведомя об нем, располагается ли остаться в Петербурге. Прости, некогда писать. Раздай же поаккуратнее экземпляры. Если растеряешь, то других книжек не дам, по крайней мере, не тебе дам развозить.

360.

А. И. Тургеневу

<Начало февраля 1818 г. Москва>

Я сейчас был у князя¹. Он сказал мне, что записку обо мне отправил к Козодавлеву² (следовательно, она будет в твоих руках) и что мой докторский диплом должен быть представлен в Департамент. Итак, вместо того, чтобы его послать ко мне, возьми к себе и поступи со мною по законам. Кажется, что я имею право на коллежское ассессорство; между бумагами найдешь и мой пансионский аттестат, избавляющий меня от экзамена; воспользуйся, если хочешь, и им; также надобно тебе знать, что я на сих днях буду членом Московского университета³ и прочее, и прочее. Если всего этого не довольно для коллежского ассессорства, то черт с ним. Взяв из моих бумаг мой диплом, остальные все перешли ко мне на следующей почте. Обнимаю тебя.

Ж.

361.

Т. Е. Боку

<18 февраля 1818 г. Москва>

Бесценный друг! Ты, надеюсь, не сердит на меня за мое молчание. Мы, кажется, насчет нашей взаимной лени предупредили друг друга и дали друг другу

полную волю. Я не отвечал тебе на твоё письмо, но душа везде и во всякое время тебе откликнется.

Письмо твоё от 12 ноября 1817, а мой ответ от 18 февраля 1818. А в следующую почту собирался тебе написать, и время неприметно исчезло в сборах; и *сбираться* отвечать на такое письмо, которое обрадовало и разгорячило мне сердце, — непостижимо!

Ты удивишься судьбе, которая сделала из тебя смиренного хозяина; а меня приковала ко двору. Будь счастлив тихомолком, не дивись ничему. Всё идет порядком, если только в душе порядок. Помнишь наш последний обед и разговор у Фельта¹ за перегородкой: в жизни одно: *идея*, для которой действуешь, остальные принадлежности — шелуха. Ты не изменишь идее добра и будешь счастлив², в этом порука твой характер и твоё письмо, которое перечитывал с полным чувством к тебе дружбы.

В этом письме нахожу тебя всего; в немногих словах сказано много. «Твердость всё может преодолеть; Китти понимает меня; я люблю и любим!», чего же более.

Поцелуй за меня руку у твоей Китти³. Мы уж, верно, с нею знакомы; но я надеюсь и скоро с нею увидеться.

Посылаю тебе подарок: первые два нумера моего стихотворного журнала; он издается для моей ученицы, и, точно, *для немногих*⁴. А тебя прошу прислать мне оба твои *польские*; взять у Латроба «Der Fischer»*, польское из «Jungfrau v<op>Orléans»** и прислать. Всё это мною обещано великой княгине. В заключение: дружба и доверенность.

Жуковский

На журнале моем выставлен день моего рождения.

362.

А. И. Тургеневу

<Между 12 и 19 февраля 1818 г. Москва>

Всё получил от тебя, милый друг, и благодарю за старания. Я сделал пустяк, выдумал хлопотать о чине и службе; но ты этот пустяк сделал приятным, хлопотал обо мне с обыкновенным рвением дружбы: у меня на роду написано быть всем обязанным тебе; за это я очень благодарен судьбе своей. По твоему приказанию я говорил и с Жихаревым, который женится¹, и с Марченко², который женат; и тот, и другой утверждают, что мое ассessorство неизбежно. Путь ему добрый! Нынче или завтра представлюсь своему новому *soit-disant*^{***} началь-

* «Рыбак» (нем.).

** «Орлеанская дева» (нем.).

*** Так называемый (франц.).

нику к<нязю> А<лександр> Н<иколаевичу>³, и тем заключу. В награду за твои хлопоты посылаю тебе второй № моего стихотворного журнала. Третий готов⁴. Посылаемые книжки раздай, кому надлежит. Прилагаю реестр и прошу не растерять. Моя ученица учится прилежно. Переводит мои русские стихи в русскую прозу и свою русскую прозу в немецкую; переводит с лексиконом письма Карамзина⁵; поет мои песни и очень прилежна. А я гляжу на «Историю» нашего Ливия⁶, как на мое будущее: в ней источник для меня и вдохновения, и славы. Обними за меня его и поблагодари за доставление последних томов. Он сделал чудо: победил Каченовского, который говорит о его творении с благоговением⁷. Впрочем, я этого ожидал от Каченовского.

Вяземский уехал, и уехал, не изменив своего характеру, прямо с балу⁸. Но боюсь за него: дорога, говорят, скверная. И каждый ухаб теперь мне об нем напоминает; дорога будет тяжела для княгини. Блудов едет к вам на сих днях⁹. Прости. Отдай приложенное письмо Батюшкову.

Ж.

363.

П. А. Вяземскому

<22 февраля 1818 г. Москва>*

Душа моя душенька, пан души моей и шляхтич моего воображения, что ты, где ты, каков ты?¹ Жаль тебя поминутно — я совсем стал сиротою! Блудова отпустил, ныне отпускаю Полетику, а завтра Северина². Жихарев уже с тобою³. Остался у меня один *Вот я вас*⁴; но он одному слишком тягостен — а с кем его поделить? И собранье наше без тебя усовершенствовано⁵. *Вот я вас* проскакал на «Кабуде»; читали отрывок из Карамзина «Истории», читали как газеты, и, несмотря на то, половина членов сказались больными, чтобы не иметь несчастья слушать сего чтения; наконец, и Мерзляков читал письмо из Сибири, в котором бранят меня, смеются над гекзаметрами и балладами, смеются по-сибирски, то есть глупо, а чтобы всё сказать одним словом, письмо писано самим профессором словесности, который нашел способ сибирскую аляповатость подделать под свою глупость. Я уверял его, что не было никакого приличия читать насмешки на мой счет в моем присутствии; а он с полным добродушием уверяет, что только хотел хвалить меня — да я и верю. Мерзляков в авторстве — «Медведь» Крылова, дерется, когда хочет обмахивать, и врет, когда хочет говорить дело⁶.

Но полно об этом. А скажи мне поскорее, справедливы ли здешние сказки, которые проповедают о трагическом похищении твоей шкатулки в Несвиже и о философическом равнодушии твоём при таком несчастье⁷. Уведомь, как ты доехал и каково тебе в Варшаве? Я никогда так не чувствовал ухабов, как после

твоего отъезда. Не шутя говорю, у меня от каждого ухаба сердце стеснялось при мысли о вашем путешествии. Боялся жестоко за княгиню и за детей, и твое письмо с дороги, милое, хотя коротенькое, было как пластырь душе⁸. Я мысленно, с благодарностью поцеловал тебя за него. Несмотря на чувство дружбы, которое к тебе привязывает меня без всякой причины, люблю тебя и по *причине*, потому что я знаю тебя, потому что мысль о твоём характере всегда разогревает сердце.

Прощай, душа; если княгиня позволит, то поцелуй ее за меня; если же нет, то пускай она тебя за меня поцелует. Твою пиесу я взял у наших Гуронов — любителей словесности⁹; а сам доканчиваю третью книжку моего журнала¹⁰ и не замедлю доставить.

Нелединский здесь.

Отдай приложенное письмо Громобую¹¹.

364.

К. Я. Булгакову

*<Февраль 1818 г. Москва>**

Благодарю милого почтдиректора за его попечение о моей неутомимой голове и прошу его приложенные пакеты передать по адресам. Обнимаю его и желаю ему всякого, так сказать, благополучия. А приложенный экземпляр II-го тома некоторых стихотворений прошу передать некоторому Федору Дмитриевичу Серапину¹.

Ж.

365.

А. Н. Арбеновой

<Январь — февраль 1818 г. Москва>

Вы очень несправедливы, милая, милая, если дали моему глупому молчанию другое какое-нибудь имя, ему не свойственное: спросите у всех *моих*; всем одна участь — не пишу, да и только! Я пишу запоем, а не ради почты; сам бешусь на себя; так иногда много присыплет к душе, что рад бы высыпать в родную душу (следственно, у Вас есть для меня загром); но лень тут как тут! Отложишь написать то, что чувствуешь, и смотришь, пройдут в откладывании месяцы. Вот, наконец, поздний ответ милому товарищу старины: промежуток времени, в который наша с Вами дружба ходила в дурацкой маске досады, должен быть причислен к тем эпохам жизни, в которые болели у нас зубы, была лихорадка и прочее; следовательно, ни к чему: ибо в такое время не живешь, а только барахтаешься или пьешь хину¹. Сердце мое по-старому Ваше. И в нем

та же благодарность за милую Вашу дружбу, какая была и прежде. Скажу Вам доказательство: я, приехав в Москву, не надеялся в ней найти никого из своих, кроме Вас; я думал, что Вы в Москве; радовался нашим свиданием и, узнав, что Вас нет, точно осиротел. Первые дни московской моей жизни были тяжелы чрезвычайно: я гулял по гробам, и пустота меня окружала². Теперь это сиротство миновалось. Работаю; место, данное мне Богом — прекрасное³; все хорошие мысли и чувства в движении: это значит жить. Не бойтесь моего прошедшего; оно рассталось со мною не злодеем, а другом — несколько времени жестокой пустоты; вот и только; но я дурного не получил от него в наследство; напротив, всем хорошим ему обязан, хотя часто и был на пороге дурного. Бог помог! Всё дурное само собою наказано и погибло в этом благодетельном наказании. Хорошее живо и не умрет. *Tout est conséquent dans la vie humaine.* Он a tort d'imaginer qu'il y a un sort*. Нет! в мире два жилища — Бог да человек! ученик и учитель! Жизнь есть воспитание; мы только учимся; для чего? знает учитель. Наше дело только в том, чтобы вытвердить хорошенько урок и не устыдиться перед этим справедливым учителем. Само по себе разумеется, что воспитание имеет свою цель! Но пока оно длится, по тех пор вы должны принимать только за урок и средства к цели — жизнь — воспитание; следовательно, всё в ней только средства — а цель в другом месте, где перемены уже существовать не может. Вот Вам моя исповедь! Итог прошлых лет! Надобно только твердить: *жизнь великое дело*. Тогда спокойно откажешься от счастья постоянного. Ибо не счастье есть цель наша, а только действие. Прошу это знать и не плакать, глядя на мой плаксивый портрет. Он угрюм только оттого, что так несчастно выгравирован³. Простите, милый друг. Приезжайте в Москву. Нам надобно много поговорить и о детенках Ваших. Петра Иосафовича душевно обнимаю.

Иша, целую тебя на твое письмо. Саша милый, тебя и Митю целую. Но вы все что-то слишком вежливы стали. Я вам всем выдеру за это уши. Братьев и сестер за меня поцелуйте. Жду вас с самым сильным нетерпением.

Ваш Жучка

366.

А. И. Тургеневу

<Середина марта 1818 г. Москва>

Посылаю тебе третью книжку¹, раздай, кому следует. Ты просил у меня *трех* экземпляров, а у меня нет ни одного. Всё, что напечатано, роздано. Греч

* Всё в человеческой жизни имеет свое основание. Неверно думать, что существует рок (*франц.*).

в своем журнале говорит об моем издании, как о книге, для публики печатаемой². Напрасно он не сказал ничего о его настоящей цели; но, однако, лучше не говорить ничего.

Здесь Губарев³. Ему бы хотелось войти в службу. Это твое дело. Его истинная привязанность к Ивану Владимировичу⁴, делающая честь его сердцу, должна сверх других причин побудить тебя за него похлопотать. Может быть, он со мною приедет в Петербург. Подумай об нем. Я здоров и работаю; у матушки твоей давно уже не был. Совестно. Она переменила квартиру. Прости, друг; обнимаю тебя.

Ж.

367.

П. А. Вяземскому

*<18 марта 1818 г. Москва>**

Посылаю тебе 3 №¹ и целую тебя, и люблю как душу. Писать некогда. Устал. Скажи Жихареву, что его невеста² здорова. Вчера, то есть 17 марта, отправилась в Рязань. Я их проводил. Обнимаю тебя. Дружеский поклон Вере Федоровне и нежнейший поцелуй детям.

368.

К. Я. Булгакову

*<Март 1818 г. Москва>**

Прошу Вас, почтеннейший Константин, извинить меня перед князем Голицыным¹; я не могу нынче у него обедать, ибо должен обедать у великой княгини. Уведомьте, батюшка, когда Вы соберетесь опять к нему, и возьмите мою личность с собою. Посылаю Вам III №^о для немногих. Примите сию немногость с снисхождением, Вам свойственным, а приложенные Пакеты, Пакетцы и Пакетищи разошлите посредством вверенной от Бдительного Правительства Вам Почты. Только не извольте забыть.

369.

К. Я. Булгакову

*<Март 1818 г. Москва >**

Прошу тебя переслать это весьма нужное письмо Северину¹. Да не забудь моей просьбы.

370.

А. И. Тургеневу

<Первая половина апреля 1818 г. Москва>

Виноват! Экземпляр для Елизаветы Марковны¹ не доставил. Посылаю теперь. И вот несколько комиссий. Приложенное письмо доставь барону Фитингофу². По милости Блудова я попал в члены комитета благотв<орительного> общества и должен еще за это благодарить.

Не забудь доставить письма. Прилагаю записку о нашем бывшем товарище пансионском Полякове³. Из нее увидишь, чего он желает. Увидишь, — но сделаешь ли что-нибудь? Прилагаю письмо ко мне от Губарева. Ему ты должен непременно пособить. Дела его запутаны, и причину запутанности их Ив<ан> Влад<имирович>⁴. Губарев не жалуется; его привязанность к памяти Ив<ана> Вл<адимировича> делает ему честь. Вообще он благородный человек и стоит твоего дружеского покровительства. Нельзя ли будет доставить ему требуемого им места? Ты, вероятно, знаком с опекунами гр<афа> Шереметева⁵.

Наконец, прилагаю письмо от бедного Мещёвского — солдата-поэта. Он перевел в стихи мою бедную «Марьину рощу»; я ее здесь продал. Он посвящает ее нам: тебе, мне и Вяземскому⁶. Нельзя ли чего для него собрать? Если удастся, доставь мне. А я тебя обнимаю с братьями. Матушки давно не видел и боюсь на глаза ее показаться.

Твой Жуковский, а не придворный⁷

371.

П. А. Вяземскому

17 апреля <1818 г. Москва>

Я виноват перед тобою; не писал к тебе и не знаю, как вылечить себя от бедственной, чахотной лени? Во мне два человека — один любит, другой гниет, и последний часто сидит верхом на первом, так часто, что первый уже совсем провонял от него. Я иногда прихожу от себя в отчаяние и готов послать за попом, чтобы велеть себя отпевать. Моральный рак ест мою душу; по крайней мере, в эту минуту сидит он в ней глубоко и портит всё прошедшее, настоящее и будущее. В такую минуту не стану защищать перед тобою мою «Тленность»¹; я уверен, что ты ошибаешься; но вступаться не стану, потому что я ни за что не расположен вступаться, и всё мне гадко; доказательством этой гадости пусть будут мои стихи, которые тотчас я написал по прочтении твоих, прекрасных²:

Ты в утешители зовешь воспоминанье!

Глядишь без прелести на свет!

И раззнакомилось с душой твоей желанье!
И веры к будущему нет!
О друг! в твоём мне сердце отозвалось!
Я постигаю твой удел!
И мне вожатым быть желанье отказалось!
И мой светильник побледнел!
Сменил блестящие мечтательного краски
Однообразный жизни свет!
Из-под обманчиво-смеявшихся маски
Угрюмый выглянул скелет!
И тщетно мы хотим призвать воспоминанье!
Мечты не дозовемся мы!
Без утоления пробудим лишь желанье!
На небо взглянем из тюрьмы!³

Что сказать тебе о Москве! Она теперь еще кипит грязью, но по этой грязи я иногда доезжаю до милых Пушкиных⁴, которым я читаю твои письма и которые помнят тебя памятью сердца. Для Софьи⁵ переписываю твоё «Послание к халату», вырванное мною из когтей нашей «Беседы»⁶. К нему будут приложены следующие нежные стихи:

Он прав! не зная вас, для вас я и об вас
Писал в пророческом, веселом вдохновении!
Что Муза мне тайком шептала в сновидении,
То вслух пересказал его приятный глас.
Но шаг ему отдав в уме и в даровании,
Счастливейшим себя я смело назову:
Он видит вас теперь в одном воспоминании,
А я вас вижу наяву⁷.

На следующей почте pošлю тебе IV книжку «Для немногих»⁸; ты найдешь кое-что в роде *тленном* и опять что-нибудь соврешь, и кое-что в роде *звезды*. Ты бранишь тленность, а Батюшков хвалит; ты хвалишь звезду, а Батюшков бранит⁹. Следственно, и то и другое хорошо.

Я получил от Александра Пушкина послание¹⁰. Вот оно.

Когда младым воображеньем
Твой гордый Гений окрылён,
Тревожит лени праздный сон,
Томясь волшебным упоеньем.
Когда возвышенной душой
Летя к мечтательному миру